

Сны Цуй Люя были причудливы и обрывочны. Почему в тех видениях, охвативших десять лет с момента разорения его дома, он видел лишь малую часть происходящего?

Всё дело в том, что стоило событиям выйти за пределы его личного пространства, как мир окутывал плотный туман. Иногда он слышал лишь приглушённые голоса, иногда видел неясные тени. Когда же не было ни того, ни другого, ему оставалось лишь довольствоваться сплетнями незнакомцев, чьих лиц он не мог разглядеть — призрачных фигур, сновавших вокруг него.

Это привело к тому, что многие события не складывались в единую картину. Ему приходилось восстанавливать истину по крупицам, опираясь на мимолётное сходство или выкапывая детали из вороха разрозненных сведений. Лишь со временем он осознал горькую закономерность: те люди и события, что представляли перед ним отчётливо, неизменно были связаны с ним узами родства или дружбы. Остальные же, чьи облики оставались размытыми, делились на три разряда. Первые — те, кого он никогда не знал лично, но чьи имена были на слуху. Вторые — случайные встречные, чьи пути пересеклись с его путём лишь однажды. И наконец, третьи — те, кто приложил руку к разграблению его состояния, те, в чьих руках его фамильные ценности осели на долгие десятилетия, превратившись в объекты чьих-то исследований или пылящиеся экспонаты в музеях древностей.

Кем он был?

Скупым стариком, для которого богатство в этой жизни было превыше всего. Обида от гибели рода, ярость от потери накопленного веками имущества была столь велика, что её силы хватило бы, чтобы преследовать виновных из поколения в поколение. Потому в дни своего выздоровления Цуй Люй всё больше проникался верой в то, что его сны были не просто бредом, а реальностью, которая уже случилась. То, что он получил это предостережение сейчас, означало лишь одно: его неупокоенная злоба пробилла саму завесу между мирами, позволив ему узнать грядущее заранее.

Теперь он чувствовал себя выходцем с того света, обретшим плоть. И горе тому, кто посмеет ступить на его землю — он был готов пойти до конца. Пропади оно всё пропадом!

Потому он, не колеблясь, велел оглушить Чжан Ляньцюэ и без тени страха вышел к замершим в противостоянии отрядам.

Но это не значило, что на душе у него было спокойно. За маской невозмутимости скрывались натянутые до предела нервы и грызущее чувство неуверенности.

А всё потому, что он не знал, кто именно был назначен инспектором в Цзянчжоу на этот раз.

Он помнил, что в тот год в область прибыл инспектор, который позже вместе с отрядом

женщин-посланниц арестовал главу области и отправил его в столицу. Но в том-то и крылась загвоздка: тот инспектор, о котором он знал, и тот, что в итоге прибыл в Цзянчжоу в действительности, были разными людьми.

За долгие годы у столичных чиновников, ведающих налогами и проверками, выработалась дурная привычка. Они терпеть не могли прибывать к месту службы открыто и торжественно. Им непременно нужно было пробираться в область какими-то окольными тропами, едва ли не ползком, оправдывая это желанием узреть «истинную жизнь народа» и «неприкрашенные будни чиновничества».

И как следствие, нет-нет да и случалось, что кто-то из таких «искателей правды» становился жертвой речных бурь или морских волн: одни исчезали без вести, другие оказывались на грани жизни и смерти, а иные и вовсе гибли при исполнении долга.

Какая нелепость — добровольно искать себе мучений!

Иметь в распоряжении величественные казенные суда и отказываться от них; иметь сотни искусных гвардейцев охраны и не брать их с собой; иметь пышный выезд инспектора и менять его на лохмотья... Тайные визиты, переодевания, попытки поймать местных чинуш на лжи и мздоимстве ради того, чтобы украсить свой послужной список — это была болезнь, настоящая душевная хворь.

Так думал Цуй Люй, слушая в своих снах сплетни прохожих. Узнав о гибели очередного инспектора, он лишь презрительно морщился: сам напросился, сам и виноват.

В те полгода, что он провёл в забытьи, Цуй Люй порой вёл себя как заносчивый юнец — на всё взирал с негодованием, ко всему относился с презрением, а в речах его сквозила неприкрытая злоба к роду человеческому.

Неудивительно, что к тому самому инспектору из сплетен, «погибшему при исполнении», он не питал ни капли сочувствия. Раз человек сам ищет смерти, не стоит винить других в том, что его судьба станет темой для пересудов за чашкой чая.

Сначала он просто слушал эти байки, но позже, когда разум прояснился, Цуй Люй начал задумываться: какая связь могла быть между ним и этим покойным инспектором? Раз он слышал о нём в своих видениях, значит, тот подпадал под одну из трёх категорий. Но откуда ему было знать чиновника столь высокого ранга?

Размышляя об этом, он решил, что раз уж всё равно тратит деньги на Банду речных перевозок, стоит нанять соглядатая. Вдруг тому удастся заранее встретить того незадачливого инспектора, пробирающегося в область водным путём?

Вскоре он получил туманное донесение. Проверить его было невозможно, но нанятый шпион клялся, что приметил человека, подозрительно похожего на высокопоставленного чиновника,

который собирался тайно переправиться в Цзянчжоу. Была и ещё одна деталь: судно, на котором тот плыл, было старым, а в днище зияла дыра, наспех заделанная латкой.

Всё сходилось!

В тот момент Цуй Люй утвердился в своих подозрениях. Но поскольку ему нужно было сопровождать Чжан Ляньцюэ к резиденции главы области, он не пошёл на встречу, решив заняться этим позже. И вот итог — он сам оказался в ловушке.

Чего теперь ждать? Зачем искать доказательства? Нужно просто звать на помощь! И неважно, тот ли это человек — стоит выкрикнуть имя, и станет ясно, откликнется он или нет.

Это была чистой воды авантюра, игра на удачу, но Цуй Люй держался с такой уверенностью, что его люди ни на миг не усомнились в его правоте. Охранник, бросившийся выполнять поручение, бежал с легким сердцем.

«Хозяин всегда прав, — думал он. — Хозяин всё предусмотрел. Он мудр как божество и непоколебим как гора Тайшань».

А «мудрый хозяин» в это время чувствовал себя так, словно идёт по канату над пропастью, рискуя жизнью каждую секунду.

Единственное, что его спасало — он уже видел в своих снах картины и пострашнее, вроде того дня, когда его дом грабили. Перед лицом этого вооруженного противостояния, несмотря на сосущую пустоту внутри, он сумел сохранить внешнее величие. Цуй Люй стоял прямо, и в его осанке сквозила сила человека, способного подчинить себе обстоятельства.

Он почтительно сложил руки, приветствуя главу области.

— Студент из уезда Хуйцюй, Цуй Люй, имел честь быть приглашённым на ваш пир. Прибыл поздравить вас, господин глава области. Вы выглядите ещё величественнее, чем прежде. Ваш покорный слуга, будучи человеком ограниченным, часто лишается сна и аппетита, не имея возможности лицезреть вашу милость вблизи...

Нужно тянуть время. Он старался, чтобы каждое его слово, каждый жест источали благожелательность, подобную весеннему ветру. Цуй Люй стоял между двумя лагерями, выказывая смирение, но не опускаясь до раболепия. Можно говорить льстивые слова, но нельзя склонять спину до самой земли.

Янь Сю замер в замешательстве. Он сделал знак страже повременить с атакой и спросил:

— Цуй из Хуйцюя?

Сказав это, он принялся пристально разглядывать старика. Внезапно его лицо озарилось узнаванием, и он усмехнулся:

— Так это ты! Надо же. Неужто решил покинуть своё захолустье? Слышал я, ты в последнее время немало серебра пустил по ветру на причалах Банды речных перевозок. Что, неужто и впрямь задумал выйти в море?

Весь Цзянчжоу был у него как на ладони. Обо всём, что имело хоть малейшую ценность, ему доносили незамедлительно.

Клан Цуй из Хуйцюя был притчей во языцех. Их старик — то ли прадед, то ли ещё кто из предков — предпочитал скупать землю до последнего медяка, вместо того чтобы купить детям хоть какую-то должность. В хрониках области было чётко записано: когда Цуй перебрались в Цзянчжоу, они не искали богатых земель и не покупали плодородных полей, а лезли в самую глушь, в нищие горные ущелья. Семья, что поначалу казалась вполне благородной, постепенно пропитывалась духом захолустья, пока окончательно не утратила былой лоск. Раньше они ещё хоть изредка наезжали в префектуру, чтобы сосватать детей в приличные дома, но позже и вовсе стали родниться с местной голытьбой. Да и приданое их стало таким скудным, что смотреть было не на что. Словом, разорились вконец, только и осталось у них, что клочки земли.

Но та земля в масштабах всего Цзянчжоу ничего не стоила. Никто не хотел строиться в тех краях, никто не желал вкладывать деньги в тамошние пашни. Богатства моря манили куда сильнее: стоило лишь раз провернуть дело на воде, и прибыли хватало внукам до конца дней.

Потому глава области даже не трудился приглядывать за Хуйцюем. Он знал, что там есть какой-то деревенский богатей, но в грош его не ставил. Пока тот не лез ему на глаза, глава области делал вид, что такого человека вовсе не существует.

Цуй Люй, нынешний глава клана, был почтенным цзюйжэнем, чьё имя значилось в списках управы. Когда он сдавал экзамены, то бывал в главном городе и однажды даже выражал почтение властям, затерявшись в толпе. Так что, можно сказать, они были едва знакомы.

Янь Сю вспомнил о нём лишь недавно, когда дошли вести о делах на пристанях. Огромная сумма, вброшенная в оборот, подняла контрабанду Банды речных перевозок на небывалую высоту — дела у них пошли вдвое бойчее прежнего. Сначала глава области подумал, что это происки с того берега, из Баочуани, но проверка показала: за всем стоит личная прихоть нынешнего главы клана Цуй.

Янь Сю полагал, что Цуй Люй просто решил попытать счастья на море, но, будучи человеком из глухомани, не понимал одного: Банда речных перевозок — это не те люди, что могут обеспечить выход к океану. А значит, капиталы, копившиеся поколениями, неизбежно пойдут прахом, осев в кошельках «речных пиратов».

Судьба деревенских богатеев его не заботила. Янь Сю взирал на это как на забавное зрелище и

на досуге даже спорил со своими советниками, когда же до этого Цуя дойдёт, что он вкладывает деньги не туда и его имущество вот-вот разворуют.

Словом, просто повод для шуток.

Он и подумать не мог, что этот «повод для шуток» сам явится к нему, да ещё в такой роковой момент. На миг Янь Сю даже испытал некое подобие уважения.

Судя по осанке и манерам, Цуй Люй не был похож на безрассудного глупца. Зачем же тогда он вложил всё состояние в эту шваль из Банды? Будь на его месте кто другой, глава области заподозрил бы сговор с Управой Баочуань, но клан Цуй... Эти старые черепахи, восемьсот лет не покидавшие насиженных мест, не имели ни единого повода якшаться с теми, кто живет на другом берегу реки.

Янь Сю с сомнением оглядел Цуй Люя. Он начал сомневаться в своей прежней оценке. Чью сторону принял этот старик, выскочив сейчас, чтобы остановить схватку?

Цуй Люй тем временем закончил приветствие и повернулся к другому отряду:

— Господа, вы днями и ночами ищете пропавшую. Должно быть, вам не терпится узнать, жива ли она и здесь ли находится? Так не лучше ли сесть и поговорить спокойно? Вы в Цзянчжоу, перед дверями резиденции главы области. Вам стоит уяснить один простой факт...

Люди, что уже обнажили клинки и были готовы пустить коней в галоп, разом натянули поводья. Один из них яростно выкрикнул:

— Жить надоело? Смотри, растопчем в пыль! Сгинь с дороги, не тебе здесь речи толкать!

Цуй Люй глубоко вдохнул и широким жестом обвёл пространство вокруг:

— Цзянчжоу с трёх сторон окружён водой, и в каждой протоке сидит по «речному пирату». Какими бы могучими драконами вы ни были, здесь вы — драконы на суше. Господа, послушайте моего совета: не делайте глупостей. Та, кого вы ищете, невредима. Судя по тому, как дорожит ею господин глава области, её жизни ничего не угрожает, хоть она и лишена свободы.

Женщина, что секунду назад призывала к атаке, замялась. Пыл её поутих, она пристально посмотрела на Цуй Люя и, коротко поклонившись, представилась:

— Уполномоченная четвёртого ранга Цзи Байлин. Мы прибыли по императорскому указу для проверки отделений Департамента по делам женщин. Несколько дней назад на почтовой станции в десяти ли от Баочуани бесследно исчезла наша сотрудница шестого ранга, Ли Янь...

Янь Сю высокомерно вскинул голову, не соглашаясь:

— Янь-эр не исчезала. Она добровольно последовала за мной. Она сама сказала, что желает остаться со мной и не намерена возвращаться...

— Что за скверну ты изрыгаешь? Сестра Ли никогда, слышишь, никогда бы не сказала подобного! Если ты и впрямь чист сердцем, выпусти её к нам, пусть скажет это сама, а не разводи здесь свои пустые бредни! — Женщина на коне, не дожидаясь, пока Янь Сю закончит свою размеренную речь, вновь вскинула клинок.

У Цуй Люя голова пошла кругом. Слова Янь Сю для этих женщин, защищающих своих, прозвучали как масло, подлитое в огонь. Врёт и не краснеет, старый греховодник.

— Господин глава области, девица Ли Янь — официальное лицо, и более того... — Цуй Люй зажмурился и выпалил на одном дыхании: — Она — Ядовитая дева из Цзиннаня!

«Ты и впрямь ищешь смерти, не разбирая дороги. Подумал бы хоть о домочадцах своих и о жизни всех мужчин в Цзянчжоу!»

Теперь он окончательно понял, откуда в области порой брались странные хвори. Этот Янь Сю — настоящий мастер навлекать беду!

Сталь клинков со свистом замерла у самого горла Цуй Люя. Цзи Байлин похолодела, голос её зазвучал как ледяная крошка:

— Кто ты такой? Откуда тебе ведомо, что Янь-эр родом из Цзиннаня?

Цуй Люй медленно повернул голову. Нервы его были натянуты до предела, он даже сглатывал осторожно, боясь лишнего движения, но взор его оставался ясным:

— Болинский клан Цуй семьдесят лет назад имел связи с землями Цзиннань.

В этот самый миг издалека донёлся голос его охранника:

— Хозяин! Прибыл! Всем стоять, не двигаться! Господин инспектор здесь!

Следом показался отряд всадников. Человек, скакавший впереди, даже не успел сменить дорожное платье; охранники Цуя буквально неслись рядом с ним, расчищая путь. Увидев Цуй Люя, к чьему горлу был приставлен меч, всадник изумлённо воскликнул:

— Цуй Люй? Неужели это и впрямь ты?

Цуй Люй тоже округлил глаза:

— Господин Би?

Как это мог быть Би Хэн?

Разве он не должен сейчас занимать пост генерал-губернатора в Хэчжоу?

Выходит, тот несчастный инспектор, погибший в его снах, был самим Би Хэном?

Би Хэн соскочил с коня. Его седые волосы были в беспорядке, он решительно подошёл и оттолкнул Цзи Байлин. Было видно, что он вне себя от ярости:

— Госпожа Цзи, когда же вы наконец научитесь сдерживать свой нрав? Неужто нельзя хоть раз обойтись без мечей?

Затем он повернулся к Цуй Люю:

— А ты что здесь забываешь? Это ты подослал за мной человека? Ты знал, что я прибыл в Цзянчжоу?

Подол его одежды был в воде, сапоги насквозь промокли. Цуй Люй перевёл взгляд на своего охранника:

— У Фан, что случилось?

У Фан вытер пот со лба:

— Когда я поспел, лодка как раз дала течь. Господин инспектор плавать не мастак, почитай, по пояс в воду ушёл.

Би Хэн прервал его, не сводя глаз с Цуй Люя:

— Ты покинул Хуйцую... Значит ли это, что твоё обещание, данное мне много лет назад, всё ещё в силе?

Цуй Люй, вконец измотанный всеми этими опасностями, лишь отмахнулся:

— О каких обещаниях речь? Господин Би, вы на обстановку посмотрите! Может, обсудим это как-нибудь в другой раз?

<http://bllate.org/book/16118/1585460>